

DOI: 10.17976/jpps/2017.06.07

КРИЗИС И РЕВОЛЮЦИЯ: ПОЛЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, СТРАТЕГИИ АКТОРОВ И ТРАЕКТОРИИ КОНФЛИКТНОЙ ДИНАМИКИ

Н.С. Розов

РОЗОВ Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН, зав. кафедрой социальной философии и политологии Новосибирского государственного университета, профессор Новосибирского государственного технического университета. Для связи с автором: nrozov@gmail.com

Розов Н.С. Кризис и революция: поля взаимодействия, стратегии акторов и траектории конфликтной динамики. – Polis. Политические исследования. 2017. № 6. С. 92-108. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.07>

Статья подготовлена при поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ, проект 16-03-00318 “Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX-XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ”.

Статья поступила в редакцию: 28.07.2017. Принята к печати: 08.09.2017

Аннотация. На базе критического анализа дефиниций в наиболее популярных концепциях революций Т. Скочпол и Дж. Голдстоуна даны определения социально-политического кризиса и социальной революции. Выделены главные ступени усугубления кризиса: замирение или подавление революции, существенные уступки протесту, свержение власти, разрушение государственности и ключевых социальных институтов. Представлена типология полей политического взаимодействия: от мирных институциональных (правового, административного) до наиболее жестоких (открытое уличное насилие, вооруженное насилие и гражданская война). Переход к открытому конфликту трактуется как выбор сторонами стратегий подавления, поскольку прежние поля взаимодействия и мирные стратегии получили отрицательное подкрепление. Складывающиеся обстоятельства и ход взаимодействия определяют главные русла конфликтной динамики: эскалация насилия, обычно приводящая к победе одной из сторон, возобновление мирных стратегий и неустойчивая ситуация, тлеющий, временами рецидивирующий конфликт, который может продолжаться годами. Рассмотрены типичные последствия свержения власти – демократизация и успешное развитие, гражданская война и государственный распад, установление нового авторитаризма, и зафиксированы дифференцирующие условия.

Ключевые слова: социально-политический кризис; социальная революция; насилие; социальный конфликт; стратегии подавления; политические переговоры; революционная динамика; свержение власти; постреволюционные режимы; гражданская война; государственный распад; демократизация.

ТЕМА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДИНАМИКИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ РЕВОЛЮЦИИ

В исторической и политической социологии, в макросоциологии, пожалуй, нет более популярной темы, чем социальные революции¹. Наибольшее внимание исследователи уделяют причинам и движущим силам революций (драйверам, факторам, социальным группам, политическим авторам), а также их результатам. Несмотря на отсутствие полного согласия относительно

¹ См. обзоры классических и современных теорий революций в работах: [Голдстоун 2006, 2015; Никифоров 2008; Епархина 2012; Коллинз 2015; Шульц 2017].

причин революций, можно наблюдать явный сдвиг от сугубо классовых и экономических схем (К. Маркс и его последователи), достаточно наивных психологизаторских концепций (типичные примеры: “психология толпы” Г. Тарда и “ущемление базовых инстинктов” по П. Сорокину) – к многофакторным и структурным теориям неовеберовского толка².

Что касается самого революционного процесса, то здесь наиболее распространены две крайности: либо утверждается полная хаотичность, случайность протекания революции (популярны сравнения с бурей, неуправляемым водоворотом), либо авторы пытаются выстроить единую догматическую схему фаз протекания революций, причем каждая такая схема оказывается частной и рушится при расширении круга рассматриваемых случаев.

В данной работе сделана попытка выявить структурные элементы и механизмы действительно крайне сложной и неустойчивой конфликтной динамики в революционный период. Здесь развивается неовеберовский подход, предполагающий как значимость состояния государства и элит, международного положения, мобилизации масс, так и сложное взаимодействие автономных сфер политики, экономики, престижа (легитимности) и насилия. Подход обогащается за счет уточнения понятия социально-политического кризиса, привлечения тойнбианской схемы “вызов-ответ”, типологии полей взаимодействия, условий и русел протекания конфликта, выбора стратегий в зависимости от положительного или отрицательного подкрепления.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС И РЕВОЛЮЦИЯ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ БАЗОВЫХ ПОНЯТИЙ

Любые политические режимы переживают неприятности, в том числе различные формы выражения недовольства населения властью и порядками, нелояльности элит, индивидуальных эксцессов, терроризма, групповых протестов, мятежей разного уровня массовости. Где провести границу, после которой интенсивность низовых протестов, недовольства и фронды элит уже следует квалифицировать как социально-политический кризис или революцию?

Воспользуемся классической тойнбианской схемой “вызов-ответ”. Каждый сколько-нибудь серьезный протест представляет собой вызов для режима [Розов 2011: 23-40]. Если стандартные ответные действия (подкуп, переговоры и уступки, запугивание, репрессии и т.д.) гасят протест, то настоящего кризиса не возникает. Если же они приводят только к усилению протестов, росту недовольства властью и режима, то следует говорить о наступлении *социально-политического кризиса*.

Теперь уже этот новый виток массового возмущения, конфликтности требует нового типа ответа от правящей группы. В зависимости от адекватности этого ответа кризис может быть подавлен, умиротворен, либо продолжится его углубление, что уже чревато революцией.

Итак, *социально-политический кризис в государстве – это конфликтный период, когда низовые протесты и недовольство элит настолько сильны, что их не удается погасить обычными действиями со стороны режима, поскольку они приводят к подъему и расширению протестов и недовольства.*

Сложнее дело обстоит с революциями: обилие дефиниций сделало бы их анализ большой самостоятельной статьей (если не книгой), поэтому оттолкнемся от

² Наиболее яркие и уже ставшие классическими работы: [Moore 1966; Skocpol 1979; Tilly 1978; 2003; Goldstone 1991; Коллинз 1915].

двух определений, ставших классическими. Первое принадлежит Теде Скочпол, открывшей своей книгой *“Государства и социальные революции”* третье – структурное – поколение теорий революции, второе – ее ученику, признанному лидеру современного сравнительного изучения революций Джеку Голдстоуну; его определение сформулировано в книге *“Революции. Очень краткое введение”*.

“Социальные революции суть быстрые базовые превращения (*transformations*) государственных и классовых структур общества; они сопровождаются и частично производятся через классовые восстания снизу (*class-based revolts*)” [Skocpol 1979: 4].

“Революция – это насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (военной, гражданской или той и другой вместе взятых) во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов” [Голдстоун 2015: 15].

В дефиниции Т. Скочпол сомнение вызывает признак “превращения (трансформации) государственных и классовых структур” [Скочпол 2017]. Свершившаяся радикальная революция (со свержением власти и государственным распадом, как после Октябрьского переворота 1917 г.) характеризуется не столько трансформацией, сколько разрушением институтов. Революции, завершившиеся уступками (как в Австрии, Пруссии 1848–1849 гг.), включают, скорее, появление новых институтов наряду с сохранившимися старыми.

Голдстоун в более ранней работе [Голдстоун 2006] справедливо замечает, что в эмпирическое поле изучения революций не правомерно включать только успешные революции (со свержением власти, трансформацией институтов, государственных и классовых структур). Иными словами, революции могут происходить без смены власти, а могут быть вовсе провальными.

Также вызывает сомнение признак “во имя социальной справедливости”. Если понимать “справедливость” в классовом, марксистском смысле, то из рассмотрения выпадают революционные события, связанные с религиозными, реформаторскими, антиколониальными, антиимперскими, национально-освободительными, расовыми, антивоенными движениями. “Справедливость” в широком смысле, напротив, охватывает любые чаяния широких масс населения. Еврейские погромы, фашистские путчи, исламистские мятежи, избиения богатых и зажиточных, городских и образованных, будучи поддержаны массами, всегда включают смысловой компонент “справедливости”, сколь бы мы ни считали его ошибочным или извращенным. По этой причине данный признак революции по Голдстоуну представляется излишним.

Признак “во имя... создания новых политических институтов” также вызывает сомнение, поскольку протестующие отнюдь не всегда призывают к созданию институтов (например, парламента или независимого суда). В ходе революции или по ее завершению новые институты могут складываться или долго не складываться, часто без заметной связи с начальными революционными чаяниями и лозунгами.

Понятия “государственных и классовых структур” по Т. Скочпол и “политических институтов” по Дж. Голдстоуну требуют уточнения. Такие структуры, институты, как армия, полиция, суд, органы верховной и исполнительной власти, наниматели и работники, собственники средств производства и лишённые таких средств, всегда остаются или возрождаются после завершения

революций. Те же структуры и институты подвержены изменениям, иногда весьма быстрым (при реформах), и безо всяких революций. Что же считать главными элементами таких структур и институтов, трансформации которых имеют действительно революционный характер?

Подойдем к той же проблеме с другой стороны. Может ли политический режим после революции (даже подавленной) остаться тем же? Нет. Революция действительно предполагает существенную трансформацию режима. Но что именно в политическом режиме считать существенным? Многое ведь остается прежним. В ходе революции непременно переживают преобразование (трансформацию) отношения и устойчивые системы правил (институты) политического взаимодействия³. Если такого превращения нет, то нет и революции. Кроме того, полезно соотнесение революции с государственным устройством и социально-политическим кризисом (не бывает революций вне государства и без кризиса) и через кризис — с конфликтом как родовым понятием. Революция — это всегда острая стадия кризиса, отличительной чертой которой выступает реальная угроза свержения власти (удавшегося или нет).

Получаем следующее определение: *(социальная) революция — это возможное следствие глубокого социально-политического кризиса государства с таким уровнем обострения конфликта, что из-за массовых протестов и восстаний верховная государственная власть испытывает реальную угрозу свержения, причем в ходе событий существенно преобразуется политический режим: отношения и институты политического взаимодействия.*

Данное определение не снимает проблемы отличия революций от нереволуций, но ставит конкретные проблемы операционализации и уточнения критериев. Так, для положительного решения о “реальной угрозе власти” следует учитывать целый комплекс явлений: бегство, попытки или планы бегства правителей из своих резиденций, захват восставшими столицы или символически, функционально значимых правительственных зданий, падение лояльности столичного гарнизона, армейской и полицейской элиты. Следует также провести границу между социальной революцией и политической революцией. Под последней обычно понимают либо достаточно радикальную “революцию сверху” (реформы Петра I, Фридриха II, революция Мэйдзи [Skocpol 1979]), либо переворот в верхах — свержение правящей группы другой элитной группой. В обоих типах случаев нет важнейшего компонента социальных революций — массовых протестов и восстаний.

Не всякая социальная революция приводит к радикальным изменениям экономических отношений: таких изменений не было после европейских революций 1830-1831 и 1848-1849 гг., после Русской революции 1905 г., после революций Арабской весны 2011-2012 гг. В то же время понятия “политического режима” и “отношения, институты политического взаимодействия” следует трактовать гораздо шире, чем принадлежность верховной власти какой-то группе. Порядок представительства, избирательное право, полномочия различных институтов, правовые ограничения исполнительной власти, утверждение прав и свобод граждан, введение их судебной защиты — все это входит в политический режим и прямо относится к институтам политического взаимодействия. Успешные социальные революции всегда ведут к существенным изменениям в этой сфере, даже когда свержения власти не было (наиболее яркие приме-

³ О типологии политических отношений см. [Розов 2015].

ры – развитие парламентаризма во Франции в результате Революции 1848 г. и введение парламентаризма в России Октябрьским манифестом 1905 г.).

ГЛУБИНА ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Рассмотрим четыре уровня (ступени) социальной нестабильности (см. рис.):

а) *социально-политические кризисы*, которые могут быть преодолены без революции: здесь не действуют стандартные способы подавления протестов и восстаний, но еще нет реальной угрозы свержения власти;

б) *революции без свержения прежней власти* (хотя такая угроза возникала), которые завершаются их подавлением или уступками;

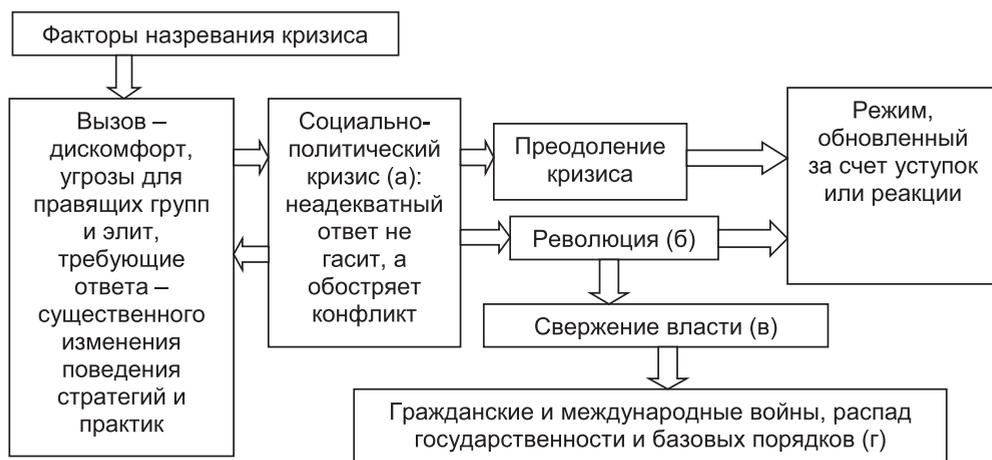
в) *революции со свержением власти*, когда после революционных, военных событий той или иной длительности устанавливается новый политический режим, но базовые структуры государственности и социальных порядков сохраняются;

г) *революции с разрушением базовых структур государственности и социальных порядков* (распад контроля над насилием, собственности, правовых принципов, финансовой системы, рынков, правил, институтов политического и экономического взаимодействия).

Рисунок (Figure)

Схема разветвляющихся последствий социально-политического кризиса
Bifurcation of the Consequences of Socio-Political Crisis

96

Примечание. Буквы в скобках означают ступени усугубления социальной нестабильности.

Когда причины напряжения не устранены (не было найдено нейтрализующего ответа), очередной стандартный ответ (часто – попытка силового подавления) ведет уже не к возврату к стабильности, а к эскалации конфликта и последующему кризису, на который правящим и влиятельным группам режима также необходимо дать ответ [McAdam et al. 2003; Розов 2015].

При адекватном ответе кризис преодолевается и режим как политическая система возвращается к стабильности. Так были преодолены благодаря уступкам со стороны власти молодежные протесты в США и Франции 1968 г., которые

имели статус глубоких кризисов режима, но не революций, поскольку реальной угрозы свержения власти не было. В России кризис 2011–2012 гг. также был преодолен вначале посредством некоторых политических уступок (возвращение губернаторских выборов, упрощение создания партий и др.), а затем с помощью репрессивных “болотных” процессов и смены повестки (вместо борьбы за право и демократию — борьба за “скрепы” против “кошунства” и “пятой колонны”).

Однако далеко не всегда власть отвечает на разразившийся кризис адекватным образом. Жестокие попытки подавления или запоздалые уступки, демонстрирующие слабость, вызывают дальнейшую эскалацию конфликта. Контур “неадекватный ответ власти → обострение кризиса → новый неадекватный ответ” обретает характер спирали, подрывающей стабильность главных отношений, структур и институтов режима. Таких витков вряд ли должно быть много для достижения следующего уровня нестабильности — реальной угрозы свержения власти. Именно на этом уровне кризис обретает статус революции [Голдстоун 2006; 2015; Цирель 2012].

Не все революции приводят к свержению или радикальной смене верховной власти. Существенные уступки, такие как учреждение парламента, расширение избирательного права, назначение новых выборов с допуском на них ранее опальных лидеров или запрещенных партий, либо наоборот, реакция, авторитарный откат могут сохранить власть правящей группе, но существенно трансформируют политические отношения режима. Таковы были исходы революций в Пруссии и Австро-Венгрии в 1848–1849 гг., в Русской революции 1905 г., в “Пражской весне” 1968 г., на первом Майдане в Украине в 2004 г., в Алжире и Марокко в революциях 2011 г.

Наконец, нестабильность достигает самого глубокого уровня, когда вслед за свержением власти последующие события, отчасти целенаправленные, отчасти стихийные — следствия конфликтной динамики с насилием и войнами — приводят к разрушению государственности и базовых социальных порядков: собственности, безопасности, рынков, денежной и банковской системы, судопроизводства [Булдаков 2010]. Таковы следствия революций во Франции (1789–1815 г.), в Китае (1911–1949 г.), в России (1917–1922 г.), в Корее (1948–1953 г.), на Кубе (1955–1966 гг.), в Камбодже (1968–1996 гг.), в Афганистане (с 1979 г.), в Сомали (с 1991 г.), в Сирии и Ливии (с 2011 г.) [Голдстоун 2015].

ПОЛЯ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

При исследовании социально-политических процессов полезно выделить следующие составляющие.

Институциональная сфера — взаимодействие по установленным, часто писаным, правилам:

— *правовое поле* — иски, судебные разбирательства и все, что с ними связано; контроль над насилием (поддержание порядка и безопасности);

— *административное поле* — взаимодействие между ведомствами и внутри них в соответствии с бюрократическими практиками;

— *электоральное поле* — предвыборная борьба, выборы и последующее перераспределение должностей в обществах с реальными или декларируемыми демократическими принципами государственного устройства;

— *поле парламентской политики* — взаимодействия в представительных, законодательных собраниях разного уровня.

Сфера мирной конкуренции вне формальных институтов:

— *символическое поле, или поле публичного дискурса* — идейная борьба, публицистика, пропаганда, продвижение лозунгов, манифесты, речи лидеров, информирование и информационные войны;

— *поле организационной работы и мобилизации* — создание и расширение групп, иерархий, сетей, способных к скоординированным действиям;

— *поле политического торга и образования коалиций* — переговоры, как правило, скрытые, относительно бартерного обмена в отношении поддержки, доступа, услуг, коалиций;

— *экономическое поле* — переговоры, сделки, сотрудничество относительно денег, материальных ресурсов, благ, товаров и услуг.

Сфера политической борьбы без правил или с “плавающими” правилами:

— *поле уличной политики* — протестные демонстрации, шествия, митинги, пикеты, а также массовые действия в поддержку властей, марши и парады, демонстрирующие силу режима;

— *поле вооруженной борьбы* — конфликтующие стороны уже используют оружие, готовы убивать и умирать, но хотя бы у одной стороны нет полноценной военной, армейской организации;

— *поле войны* — систематические вооруженные столкновения, когда запреты на насилие практически сняты и обе стороны имеют военную организацию, способности доставать, производить оружие и боеприпасы, рекрутировать новых бойцов, используют оружие с направленностью на уничтожение противника.

Некоторые поля могут быть незадействованными (нет выборов, нет уличной политики) или стабильными (когда в институциональном, силовом полях все идет по заведенному порядку). В политически напряженные периоды, особенно во времена кризисов, острых конфликтов в большинстве полей идет интенсивное взаимодействие. Центр общественного внимания и центр приложения политических сил может перемещаться от поля к полю (например, от фальсификаций на выборах — к уличной политике — к силовому противостоянию — к политическому торгу и созданию коалиций — к войне или обратно к электоральному полю) [McAdam, Tarrow, Tilly 2003].

В революционные периоды институциональная и конкурентная сферы ослаблены или вовсе разрушены, хотя электоральное поле в еще мирное время остается актуальным: проходят партийные выборы, выборы в ассамблеи, учредительные собрания.

Поля публичного дискурса и переговоров всегда исключительно важны в политике [Колоницкий 2012]. В революционные периоды наиболее опасно, когда в дискурсе начинают преобладать призывы к уничтожению противника, а от переговоров стороны отказываются. Тогда уличная политика радикализуется и превращается в поле вооруженной борьбы [Collins 2008]. Победившая сторона всегда с тем или иным успехом пытается восстановить поля мирного взаимодействия под своей властью.

При паритете сил, когда ни одна сторона не способна убедительно выиграть на большей части территории страны, остается возможность вернуться к переговорам, созданию коалиционных органов власти, выборам или признаваемым сторонами судебным разбирательствам. Если такой возможностью стороны не воспользовались, вооруженная борьба переходит в стадию гражданской войны, которая имеет специфическую динамику.

В каждом поле есть своя логика выигрыша и проигрыша, а также логика перехода основной активности от поля к полю, например, проигрыш актора в одном поле обычно ведет к тому, что он пытается “отыграться” в другом поле, где обладает (считает, что обладает) превосходящими ресурсами. Кроме того, выигрыш в одном поле (например, в символическом) обычно ведет к росту ресурсов в других полях (легче рекрутировать новых участников, легче создавать коалиции, легче получать финансирование).

Методологию исследования взаимодействий в этих полях еще предстоит разработать. Пока ясно, что потребуются как минимум три типа моделей:

– *игровые модели с правилами выигрышей и проигрышей* участников взаимодействия в каждом из этих полей в зависимости от условий, ресурсов акторов и выбираемых ими стратегий;

– *модели влияния* этих выигрышей и проигрышей актора в одном поле на его условия и ресурсы в других полях;

– *модели закономерностей переходов от поля к полю* основной активности актора в зависимости от его прошлых результатов, собственных ресурсов и представлений о ресурсах противников.

Как правило, главные акторы одновременно “играют на нескольких досках” – предпринимают ходы и стратегии в нескольких полях, а следствия выигрышей и проигрышей на одних полях более или менее закономерно влияют на прирост или потерю ресурсов в других полях [McAdam, Tarrow, Tilly 2003]. Самое трудное, но и самое значимое в объяснении и понимании кризисной, конфликтной динамики, – это переломные моменты, когда в одном поле (обычно в силовом или в поле политического торга) разворачиваются события, “опрокидывающие доску с фигурами”, после чего происходят быстрые драматические изменения в силе и ресурсах акторов на всех остальных полях.

Интересы каждой стороны обычно состоят в переводе главных взаимодействий и центра внимания на то поле, где она обладает ресурсным преимуществом.

Принцип удержания поля: каждый актор стремится удержать политическое взаимодействие в том поле, в котором имеет ресурсное преимущество (или рассчитывает на него);

Принцип смены поля: при недостаточности ресурсов в актуальном поле взаимодействия (например, мирном, правовом, электоральном) и невозможности, при угрозе проигрыша и отсутствии надежд получить в нем преимущество, политические акторы склонны накапливать альтернативные ресурсы и переводить взаимодействие в иное поле (например, поле уличных протестов и / или вооруженного противостояния).

При обострении конфликта рано или поздно происходят решающие битвы на одном или нескольких полях; результаты закрепляются через установление новых отношений между сторонами и их институционализацию.

ПЕРЕХОД К РЕВОЛЮЦИИ

Когда при ослабевшем режиме уверенно и масштабно нарастает мобилизация протеста, появляется прямая угроза свержения власти, т.е. начинается революция. Ее признаками выступают доминирование, популярность радикальных лозунгов (“Долой...!”, “Смерть...!”), сдвиг центра внимания и активности на поле силового противостояния. Но и в этой ситуации революция

может быть подавлена, если режиму удастся привлечь верные войска, готовые к насилию, переломить ход борьбы, переложить вину за кровопролитие на бунтовщиков (случай Парижской Коммуны). Следствием такого развития событий обычно является реакция, усиление авторитаризма, когда дисбалансы и напряжения не преодолеваются, но “загоняются внутрь”.

Обнаруживший свою неспособность к силовому подавлению революции режим становится готовым к переговорам и уступкам [Tilly 2003; Шарп 2012]. Даже при крайнем упрямстве правителя и правящей группы в такой ситуации их обычно смещают, поскольку поражение в силовом противостоянии — универсальный фактор делегитимации.

Но будет ли готова сторона протеста к уступкам, либо она потребует радикальной смены власти и режима? Можно лишь указать на главные факторы, способствующие согласию лидеров протеста на уступки [Шарп 2012]:

— обещания и поведение представителей режима производят впечатление готовности к существенным реформам, прежде всего выполнению требований протеста и к допуску во власть его лидеров;

— предлагающие мирные переговоры (“круглый стол”) представители режима не считаются преступниками, например, отдававшими приказы расстрела мирных граждан;

— наиболее одиозные, вызывающие негодование представители режима (нередко сам правитель, руководители его силовых структур) либо смещены, арестованы, убиты, либо бежали.

Успешные переговоры, обновление власти с включением в нее лидеров протеста или свержение, смена власти не дают гарантий последующей стабильности. Революционный процесс продолжается уже с меньшими, но не исчезнувшими, рисками обрушения в гражданскую и / или международную войну, с территориальным распадом той или иной глубины.

100

ОТКРЫТЫЙ КОНФЛИКТ – РЕЗУЛЬТАТ ВЫБОРА СТОРОНАМИ АГРЕССИВНЫХ СТРАТЕГИЙ

Для понимания природы и общих черт конфликтов полезно представить те характеристики ситуаций, когда конфликты не возникают. Такое бывает при разделении субъектами (индивидами или группами) территорий, когда границы между ними признаны (чья квартира или дом, где именно граничат провинции или страны), никто никому не наносит ущерб и каждому достаточно собственных ресурсов.

Долгое и устойчивое мирное взаимодействие субъектов на одной территории также возможно, но только при институционализации отношений, таких как международный порядок дипломатического разрешения конфликтов, политическая борьба за власть при демократических выборах и экономическая конкуренция при эффективных законах, защищающих стороны. Возможна также институционализация иерархических отношений (родители — дети, свободные — рабы, сеньоры — крестьяне, хозяева — слуги, мастера гильдий — ученики, администрация — работники, профессора — студенты), когда частные конфликты нередко случаются, но разрешаются или подавляются согласно институциональным правилам в рамках типовых практик.

Итак, значимые, ведущие к существенным изменениям в исторической динамике конфликты происходят при ослаблении институтов (вплоть до

разрушения) и могут приводить к их замене новыми институтами. Поэтому сила, авторитет институтов, соответствующих правил взаимодействия входят в состав главных переменных конфликтной парадигмы.

Также в конфликтах всегда значимы уровни насилия, агрессивности, отчуждения, потенциальной и реальной разрушительности. Дело здесь не ограничивается жертвами и материальным ущербом. Высокий уровень насилия (где архетипичны этнические чистки, геноцид, международные и гражданские войны) оставляет глубокие следы долговременного действия на ментальность, отношения, институты и культуру [Булдаков 2010].

Интенсивность и длительность конфликтов связаны с величиной мобилизованных ресурсов, а последняя – с обширностью круга вовлеченных в конфликт, с величиной коалиций [McAdam, Tarrow, Tilly 2003]. Конфликты, особенно с высоким уровнем насилия, сопровождаются издержками, сокращающими ресурсы, поэтому тлеющие конфликты могут продолжаться гораздо дольше, чем насильственные, вооруженные, разрушительные.

Наиболее трудными являются вопросы траектории и сроков конфликтов, вопросы о том, кто станет победителем, каковы будут результаты этой победы, к чему приведет “ничья”, разрешится ли на этом конфликт или вспыхнет с новой силой [Boulding 1962; McAdam, Tarrow, Tilly 2003: 193-226].

ТРИ ГЛАВНЫХ РУСЛА КОНФЛИКТНОЙ ДИНАМИКИ

На основе обобщения и развития классических и современных концепций социально-политических кризисов и конфликтов [Boulding 1962; Moore 1966; Козер 2000; Tilly 1978; 2003; Коллинз 2015] примем в качестве рабочей следующую конструкцию (ключевые понятия выделены курсивом).

Каждый актер имеет *стратегические и меняющиеся тактические цели* из набора *политических альтернатив*, вступает в *союзнические или конфликтные отношения* с другими актерами, пытается мобилизовать ресурсы, сосредоточить силы и общественное внимание на том или ином предпочтительном для себя *поле взаимодействия*. При этом каждый актер стремится повысить свою *легитимность* и обрушить легитимность противников, переживает подъемы и спады собственной легитимности как вследствие своих действий, так и под влиянием их трактовки другими актерами.

Конфликт идет по руслу *эскалации взаимной агрессии и насилия* при следующих условиях⁴:

– провалы многих попыток договоров и компромиссов, т.е. отрицательного подкрепления [Скиннер 1986];

– унижение словами или действиями, откровенная жестокость с одной или с обеих сторон, когда жажда мести за убитых товарищей захлестывает остальные соображения, при слабой дисциплине;

– наличие ресурсов для агрессивных действий (захваты площадей, улиц и зданий и их “зачистка”, правовые основания и оперативные силы для арестов, спецсредства для рассеивания протестующих, самодельные средства для возведения и защиты баррикад, для противостояния силам режима, различные типы оружия, в том числе огнестрельного);

– надежды той или иной стороны на свое преимущество и скорую победу (запланированное насилие);

⁴ См. также: [Tilly 1978: 184-186; Tilly 2003].

— когда силовые ресурсы накоплены, стагнация становится невыносимой, и в какой-то момент на каждое действие другая сторона отвечает более агрессивным действием, что включает круг положительной обратной связи (никем не запланированная эскалация взаимного насилия). Агрессия — опасное, рискованное направление активности, к тому же чреватое большими издержками, тем более важно указать на факторы, подкрепляющие агрессивные стратегии [Collins 2008];

— неожиданный и внушительный триумф победы над противником — положительное подкрепление;

— временное снижение интенсивности вызова, уровня дискомфорта, воспринимаемое как следствие победы;

— успешное ассоциирование результата агрессивной стратегии с общим архетипом прошлых славных побед, связанных с групповой (национальной, конфессиональной, этнической) идентичностью;

— надежды на помощь со стороны могущественного внешнего союзника, его посулы;

— уступки противной стороны, интерпретированные как ее слабость и готовность уступать дальше;

— агрессивный ответ противной стороны, характер которого (особая неадекватная жестокость, коварство, подлость, избиение слабых и безоружных) вызывает не страх, а ожесточенное упорство;

— наличие организационных и силовых ресурсов для продолжения агрессивных стратегий.

102 Конфликтная динамика идет по руслу *договоров, компромиссов и перехода к мирной конкуренции* при следующих условиях (см. также [Шарп 2012]):

— переговоры ведут хотя бы к небольшим успехам для каждой стороны, что дает перспективу и настрой на продолжение этой линии поведения;

— накал страстей не достиг уровня, когда жажда мести затмевает остальное, либо долгое перемирие (две-три недели и более) смягчает гнев и агрессивные чувства сторон;

— продолжение агрессивных действий для обеих сторон представляется бесперспективным и / или крайне опасным как для себя, так и для значимых ценностей (риски раскола страны, гражданской войны);

— истощены ресурсы для агрессивных стратегий, насилия с обеих сторон;

— зависимость каждой стороны от внешних сил, незаинтересованных в эскалации насилия, блокирует агрессивные действия сторон;

— обе стороны достаточно дисциплинированы для того, чтобы выполнять условия соглашений.

Конфликтная динамика *не устойчива, агрессия сменяется перемириями и вновь возобновляется, но без большой эскалации*, когда нет достаточных условий для эскалации и условий для угасания насилия, вместо этого:

— в переговорах что-то достигается, но надежного и поступательного улучшения положения нет, поэтому переговоры разочаровывают и на время прекращаются;

— при возобновлении агрессии новые жертвы насилия ощутимо роняют репутацию нападающей стороны (делегитимируют ее), что ограничивает обоюдное насилие;

– ресурсы агрессивных стратегий не полностью истощены (проводится некое пополнение и замена уставших, выбывших), но ни у одной из сторон нет большого резервуара, возможностей быстро нарастить силы для борьбы;

– организованность и дисциплина обеих сторон достаточна для продолжения противостояния и стычек, но недостаточна для надежного выполнения мирных договоренностей;

– нет надежд акторов на скорую победу, но нет и удовлетворительных перспектив замирения, поскольку остается ситуация “загнанности в угол” у обеих сторон, так как каждая опасается наказаний за свои прошлые насильственные действия.

Очевидно, что аспекты победы, поражения или патовой ситуации (“ничьей”) всегда связаны с соотношением ресурсов и их мобилизованностью – готовностью к применению. При этом простого арифметического сравнения ресурсов недостаточно (хотя оно и необходимо). Ситуация, как правило, усложняется тем, что борьба ведется на разных *полях взаимодействия* (см. выше).

МОДЕЛЬ “РЕЖИМ / ПРОТЕСТ”

В самой общей априорной модели с двумя противниками конфликт обостряется при двух условиях: продолжении агрессивных стратегий обеими сторонами и примерном равенстве ресурсов. Конфликт прекращается по одному из следующих сценариев: либо одна сторона оказывается сильнейшей, обладающей большими ресурсами в решающих схватках и уверенно выигрывает, либо стороны по каким-то причинам (усталость, истощение ресурсов и веры в победу, актуализация мирных мотивов и ценностей, внешнее принуждение) прекращают агрессию и начинают договариваться. В третьем случае конфликт переходит в долговременную тлеющую форму.

Приблизим эту модель к нашей проблеме и обозначим двух участников конфликта как *режим* (правящая группа с лояльными элитами и аппаратом принуждения) и *протест* (контрэлита, а также лидеры, организации, массы недовольных и восстающих против режима).

Вплоть до свержения власти режим является либо сильнейшей стороной, либо паритетной в сравнении с протестом. Соответственно, кризис преодолевается, и революция завершается без свержения власти либо через убедительную победу режима (прямые репрессии, иногда подкрепленные внушительной символической дискредитацией протеста), либо через замирение, переговоры, уступки и реформы.

Режим побеждает благодаря преимуществу в ресурсах, прежде всего силовых, организационных, символических и финансовых. Трудность состоит в том, что с началом кризиса режим теряет уверенность в этом преимуществе, ведь стандартные ответы не работают, а новый ответ на растущий протест (как правило, наращивание репрессий и агрессивной пропаганды) также не ведет к разрешению кризиса.

Фактически суть всей динамики кризиса состоит в состязании между режимной мобилизацией и протестной мобилизацией [Tilly 2003]. Режим привлекает все больше силовых структур, ужесточает репрессии, наращивает разоблачительную пропаганду против лидеров протеста. Мирный протест пытается вывести на улицы больше людей, клеймит режим за неоправданную жестокость, а при радикализации протест начинает создавать вооруженные отряды, сам начинает применять насилие.

Обе мобилизации могут давать сбой. На стороне режима все больше офицеров, в том числе высших, отказываются подчиняться жестким приказам “восстановления порядка”, а на стороне протеста социальная поддержка истощается, когда после первых поражений в силовых схватках решимость протестующих уступает настроениям провала и отчаяния.

Если явно буксует режимная мобилизация, то режим становится готовым на уступки. Когда протест также испытывает затруднения с дальнейшей мобилизацией, его лидеры соглашаются, и кризис преодолевается. Насколько надежной и длительной будет восстановленная стабильность, зависит от адекватности уступок и реформ природе напряжений и недовольств, которые привели к кризису. При сугубо демонстративных, жульнических уступках напряжения будут вновь копиться.

ОТ ЧЕГО ЗАВИСЯТ СООТНОШЕНИЕ СИЛ И УРОВЕНЬ НАСИЛИЯ

Следующие факторы способствуют преимуществу правящего режима в силе и социальной поддержке:

— уровень централизации и государственной монополии в контроле над оружием и вооруженными отрядами (снижается в военное время);

— уровень лояльности и дисциплинированности в силовых структурах (армии, полиции, спецслужбах); снижается при военных поражениях, делегитимации власти, рекрутских наборах из недовольных социальных групп;

— уровень административного, финансового и символического контроля над СМИ;

— опыт, структуры и кадры мобилизации общественной поддержки со стороны режима.

Всегда есть объективные (в институтах) и субъективные (в установках и габитусах участников) факторы, ограничивающие настроения агрессии и препятствующие насилию. Так, трудность поляризации на враждующие лагеря из-за переплетенности сетей ограничивает отчужденность и агрессию, поскольку при любом проведении разграничительной линии (“линии фронта”) для каждого участника, в том числе для лидеров, слишком много людей оказываются на “вражеской стороне”, с которыми есть разного рода связи солидарности (родственные, этнические, соседские, конфессиональные, сословные, профессиональные). При высокой общности символов и идентичностей в противостоящих лагерях затруднительно или вовсе невозможно осуществлять агрессию в отношении “своих”.

Высокая социальная мобильность, открытость социальных групп также служит ограничением, поскольку усиливает ту самую переплетенность, тогда как при закрытости общества сословные, классовые, этнические, конфессиональные границы с большей легкостью превращаются в линии отчуждения и вражды.

В той же логике высокая демократичность, или шире — партисипаторность политического режима (уровень участия граждан в принятии решений, управлении) снижает агрессию, поскольку конфликты переводятся в модальность голосования, переговоров, споров с возможностью коллегиальных решений и компромиссов. То же касается общего уважения к праву, суду, другим способам мирного разрешения конфликтов. Большое значение имеет наличие авторитетных лиц, групп, которым делегируется право на общее решение.

Таким образом, при противоположных значениях по каждому аспекту вероятность эскалации конфликта с высокой агрессией и большим насилием

увеличивается: когда нет переплетенности сетей, социальные группы (сословия, классы, касты) закрыты и затруднена социальная мобильность, нет общих символов поклонения, низкая партисипаторность, никто не доверяет ни суду, ни авторитетам в решении накопившихся проблем со взаимными претензиями.

Особого внимания требует известный феномен *переключения*, когда устраниение, жестокое подавление, убийства со стороны режима вдруг вызывают уже не страх и угасание протеста, а гнев, озлобление, решимость сопротивляться, ответную агрессию и рост массовой поддержки. Такое переключение — это всегда массовый рефрейминг, быстрая и драматическая смена установок [Розов 2011: 41-63]. Начальный фрейм “опасный, преступный бунт против порядка и власти” меняется на фрейм “наша праведная борьба с подлым ненавистным врагом”. Соответственно, меняются идентичности: от “мы — бунтовщики, недовольные, несогласные, протестующие” к новой идентичности “мы — героические революционеры, борцы за свободу и достоинство”. К такому рефреймингу ведут следующие факторы:

- неожиданное, непривычное, особо жестокое, несоразмерное насилие в отношении протестующих, тем более мирных, включающих женщин, детей, стариков;

- массовость протеста, его нарастание изо дня в день, что ведет к уверенности в расширении движения, к общему возбуждению, энтузиазму и ощущению себя “народом”;

- признаки нерешительности и слабости со стороны режима и репрессивных сил, особенно случаи их отказа от насилия, выражения солидарности с протестующими и переход на их сторону;

- наличие критической массы потенциальных бойцов с прошлым опытом силового противостояния, способностями к мобилизации, к организации сопротивления, в том числе вооруженного;

- известность недавно произошедших случаев успеха сопротивления.

105

К ЧЕМУ ПРИВОДИТ СВЕРЖЕНИЕ ВЛАСТИ?

Революционное свержение власти — это точка бифуркации с широким спектром политических последствий. Рассмотрим только крайние полюса: относительно быстрое восстановление порядка с преодолением главных напряжений и разрушение государственности, базовых социальных институтов и отношений.

Обобщение признаков наиболее разрушительных революций в Китае (1911-1949 гг.), в России (1917-1920 гг.), в Корее (1948-1953 гг.), на Кубе (1955-1966 гг.), в Камбодже (1968-1996 гг.), в Афганистане (с 1978 г.), в Сомали (с 1991 г.), в Сирии и Ливии (с 2011 г.) дает следующий комплекс факторов:

- значительное большинство лидеров и участников протестов, восстаний не были включены в институты и отношения, ассоциируемые с режимом (суды, система собственности, банки, биржи, образовательные и научные системы, городское и сельское управление), не получали от них безопасности, статуса, дохода, защиты;

- контрэлита, примкнувшая к протесту и революционным силам, либо в процессе конфликтной динамики отстранена от власти, делегитимирована, либо слишком мала и слаба, чтобы влиять на политические процессы после свержения прежней власти;

- достаточно масштабная и длительная гражданская война не только разрушает инфраструктуру, материальную, экономическую основу социальных

порядков, но также приводит к власти командиров победившей стороны, которые склонны использовать в мирной жизни упрощенные армейские подходы, основанные на прямом принуждении.

Напротив, включенность большинства протестующих в базовые социальные структуры и институты (“есть что терять”), сохранение влияния контрэлиты в постреволюционном режиме, отсутствие гражданской войны и относительно быстрый, мирный характер смены власти сохраняют основы государственности и социальных порядков. Обратная сторона такого рода транзита состоит в том, что при смене власти сохраняются, либо через несколько лет восстанавливаются, пороки прежней системы, например, системная коррупция, гиперцентрализация, слабость парламента, зависимость судов [Голдстоун 2015].

Большинство постсоветских государств в той или иной мере воспроизводят этот паттерн в своей политической динамике, даже когда проходят через цепь драматических “цветных” революций (Грузия, Кыргызстан, Молдова, Украина). Громкие революционные события и череда смен власти иногда возвращают политическую систему почти к исходному состоянию (как в Египте с весны 2011 г.).

Относительно успешное постреволюционное развитие постсоветских (Эстония, Литва), постсоциалистических (Польша, Чехия, Словакия, Словения, Черногория), арабских стран (Тунис) требует специального анализа и объяснения. Очевидными факторами являются ориентация на престижные западноевропейские демократии, усилия по выполнению требований для большей интеграции с ними. Однако далеко не везде эти факторы срабатывают (например, Болгария и Румыния, мягко говоря, не показывают больших успехов в социальном, экономическом, технологическом развитии). Вероятно, речь должна идти о характеристиках административных, экономических и интеллектуальных элит, в интересы и компетенции которых входит или не входит следование европейским стандартам и требованиям.

Итак, сложная конфликтная динамика кризисов и революций отнюдь не является ни полным хаосом, ни гарантией перехода к справедливому обществу, ни ужасным бесполезным кровопролитием. Кризисы и революции следует понимать и изучать как неизбежные “стихийные встряски” тех политических режимов, которые отказываются от “искусственных встрясок” – регулярных честных и открытых демократических выборов.

Революции же являются крайне затратным (во всех смыслах) средством социального и политического развития с большими рисками и слабо предсказуемыми результатами.

Булдаков В.П. 2010. *Красная смута. Природа и последствия революционного насилия*. М.: РОССПЭН. 376 с.

Голдстоун Дж. 2006. К теории революции четвертого поколения. – *Логос*. № 5. С. 58-103.

Голдстоун Дж. 2015. *Революции. Очень краткое введение*. М.: Изд-во Института Гайдара. 192 с.

Епархина О.В. 2012. Теоретические подходы к исследованию социальных революций: возможности исторической социологии. – *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*. № 2 (82). С. 36-51.

Козер Л.А. 2000. *Функции социального конфликта*. М.: Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс. 208 с.

Коллинз Р. 2015. *Макроистория: очерки социологии большой длительности*. М.: УРСС. 504 с.

Колоницкий Б.И. 2012. *Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года*. СПб.: Дмитрий Буланин. 455 с.

Никифоров А.А. 2008. Революция и ее причины: ответы и новые вопросы. — *ПОЛИТЭКС*. Т. 4. № 2. С. 80-100.

Розов Н.С. 2011. *Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке*. М.: РОССПЭН. 735 с.

Розов Н.С. 2015. Теория трансформации политических режимов и природа неопатримониализма. — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 157-172. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.15>

Скиннер Б.Ф. 1986. Оперантное поведение. — *История зарубежной психологии. Тексты*. М.: МГУ. С. 60-95.

Скочпол Т. 2017. *Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая*. М.: Издательство Института Гайдара. 552 с.

Цирель С.В. 2012. Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры. — *Ойкумена*. № 8. С. 174-209.

Шарп Дж. 2012. *От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения*. М.: Новое издательство. 84 с.

Шульц Э.Э. 2017. *Теория революции. Революции и современные цивилизации*. М.: URSS. 400 с.

Boulding K. 1962. *Conflict and Defense*. New York: Harper and Row. 349 p.

Collins R. 2008. *Violence: A Micro-Sociological Theory*. Princeton, Oxford: Princeton University Press. 563 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781400831753>

McAdam D., Tarrow S., Tilly Ch. 2003. *Dynamics of Contention*. Cambridge: Cambridge University Press. 380 p.

Moore B. 1966. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press. 592 p.

Skocpol Th. 1979. *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. New York: Cambridge Univ. Press. 407 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511815805>

Tilly Ch. 1978. *From Mobilization to Revolution*. Westley. xiii + 349 p.

Tilly Ch. 2003. *The Politics of Collective Violence*. Cambridge University Press. 260 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511819131>

107

DOI: [10.17976/jpps/2017.06.07](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.07)

CRISIS AND REVOLUTION: FIELDS OF INTERACTION, ACTORS' STRATEGIES, AND TRAJECTORIES OF CONFLICT DYNAMICS

N.S. Rozov^{1,2,3}

¹*Institute for Philosophy and Law (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences). Novosibirsk, Russia*

²*Novosibirsk State University. Novosibirsk, Russia*

³*Novosibirsk State Technical University. Novosibirsk, Russia*

ROZOV Nikolai Sergeevich, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Principal Researcher, Institute for Philosophy and Law (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences); Head of Department for Social Philosophy and Political Science, Novosibirsk State University; Professor, Novosibirsk State Technical University. Email: nrozov@gmail.com

Rozov N.S. Crisis and Revolutions: Fields of Interaction, Actors' Strategies, and Trajectories of Conflict Dynamics. — *Polis. Political Studies*. 2017. No. 6. С. 92-108. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.07>

Acknowledgments. The article was prepared with support of Russian Foundation for Basic Research, project No. 16-03-00318.

Received: 28.07.2017. Accepted: 08.09.2017

Abstract. Definitions of socio-political crisis and the social revolution are given on the basis of a critical analysis of the most popular concepts by Th. Skocpol and J. Goldstone. The main stages of crisis aggravation are singled out: pacification or suppression of revolution, significant concessions to protest, overthrow of power, state breakdown and destruction of key social institutions. The typology of fields of political interaction is presented: from peaceful institutional one (legal, administrative) to the most brutal fields (open street violence, armed violence, and civil war). The transition to an open conflict is treated as a parties' choice of suppressive strategies, because previous fields of interaction and peaceful strategies have received negative reinforcement. The emerging circumstances and the course of interaction determine the main channels of conflict dynamics: the escalation of violence usually leading to victory of one party over others, resumption of peaceful strategies and unstable situation, smoldering and recurring conflict that can last for years. Typical consequences of power overthrow vary from democratization and successful development, to civil war and state breakdown, to establishment of a new authoritarianism. Differentiating conditions for these options are considered.

Keywords: socio-political crisis; social revolution; violence; social conflict; suppressive strategies; political negotiations; revolutionary dynamics; overthrow of power; post-revolutionary regimes; civil war; state breakdown; democratization.

References

- Boulding K. *Conflict and Defense*. New York: Harper and Row. 1962. 349 p.
- Buldakov V.P. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya* [The Red Troubles. The Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. Moscow: ROSSPEN. 2010. 376 p. (In Russ.)
- Collins R. *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. (Russ. ed.: Collins R. *Makroistoriya: ocherki sociologii bolshoy dlitelnosti*. Moscow: URSS. 2015. 504 p.)
- Collins R. *Violence: A Micro-Sociological Theory*. Princeton and Oxford: Princeton University Press. 2008. 563 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781400831753>
- Coser L.A. *The Functions of Social Conflict*. (Russ. ed.: Coser L. *Funkcii socialnogo konflikta*. Moscow: House of Intellectual Book: Idia-Press. 2000. 208 p.)
- Eparhina O.V. *Theoretical Approaches to the Study of Social Revolutions: the Possibilities of Historical Sociology*. – *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Iskustvovedenie*. 2012. No. 2. Vol. 82. P. 36-51. (In Russ.)
- Goldstone J. *Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory*. (Russ. ed.: Goldstone J. *K teorii revolyucii chetvertogo pokoleniya*. – *Logos*. 2006. No. 5. P. 58-103).
- Goldstone J. *Revolution. A Very Short Introduction*. (Russ. ed.: Goldstone J. *Revolycii. Ochen kratkoe vvedenie*. Moscow: Institute Gaydara Publ. 2015. 192 p.)
- Kolonitsky B.I. *Simvoli vlasti i borba za vlast: k izucheniyu politicheskoy kulturi rossiyskoy revolyucii 1917 goda* [Symbols of Power and the Struggle for Power: the Study of Political Culture of the Russian Revolution 1917]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin. 2012. 455 p. (In Russ.)
- McAdam D., Tarrow S., Tilly Ch. *Dynamics of Contention*. Cambridge University Press. 2003. 380 p.
- Moore B. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press. 1966. 592 p.
- Nikiforov A.A. *Revolution and its Causes: Answers and New Questions*. – *Political Expertise Journal*. 2008. Vol. 4. No. 2. P. 80-100. (In Russ.)
- Rozov N.S. *Koleya i pereval: makrosociologicheskie osnovaniya strategiy Rossii v 21-m veke* [Track and Pass: The Macrosociological Foundations for Russia's Strategies in the 21st Century]. Moscow: ROSSPEN. 2011. 735 p. (In Russ.)
- Rozov N.S. *The Theory of Political Regimes' Transformation and the Nature of Neo-Patrimonialism*. – *Polis. Political Studies*. 2015. No. 6. P.157-172. (In Russ.)
- Sharp J. *From Dictatorship to Democracy: A Conceptual Framework for Liberation*. (Russ. ed.: Sharp J. *Ot diktaturi k demokratii: Strategiya i taktika osvobozhdeniya*. Moscow: New Publishing House. 2012. 84 p.)
- Shul'ts E.E. *Teoriya revolyucii. Revolyucii i sovremennye civilizacii* [The Theory of Revolution. Revolutions and Modern Civilizations]. Moscow: URSS. 2017. 400 p. (In Russ.)
- Skinner B.F. *Operant Conditioning*. (Russ. ed.: Skinner B.F. *Operantnoye povedenie*. – *Istoriya zarubezhnoy psihologii. Teksty*. Moscow: Moscow State University. 1986. P. 60-95.)
- Skocpol Th. 1979. *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. New York: Cambridge Univ. Press. 407 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511815805>
- Skocpol Th. *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. (Russ. ed.: Skocpol Th. *Gosudarstva i socialnie revolyucii. Sravnitelniy analiz Francii, Rossii i Kitaya*. Institut Gaydara Publ. 2017. 552 p.)
- Tilly Ch. *The Politics of Collective Violence*. Cambridge University Press. 2003. 260 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511819131>
- Tilly Ch. *From Mobilization to Revolution*. Westley. 1978. xiii + 349 p.
- Tsirel S.V. *Revolutionary Situations, Revolutions and Revolutionary Waves: Conditions, Regularities, Examples*. – *Oikumena*. 2012. No. 8. P. 174-209. (In Russ.)